

RU

Иронический дискурс постмодерна: лингвопрагматика культурного кода (на материале рассказов С. Довлатова)

Кудрявцева М. И.

Аннотация. В статье изучаются прагматические особенности иронического дискурса, направленного в контексте постмодерна на истолкование имплицитного смысла, выражаемого эксплицитно с помощью языковых и текстовых средств, при этом продуцирование иронии способствует обоснованию идеи нереперентности мира как знаковой системы и деконструкции стабильных культурных кодов. Цель исследования состоит в обосновании лингвопрагматического статуса иронии в продуцировании постмодернистского художественного дискурса. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые определены корреляции иронии как основополагающего принципа организации тексто-дискурсивного пространства постмодерна и деконструкции культурных кодов в его рамках на основании проецирования понятия прецедентности как совокупности пропозиций на прагматическую структуру иронического высказывания. Результаты исследования заключаются в выявлении лингвистических механизмов реализации иронии в рассказах С. Довлатова: основной прагматической нагрузкой обладают иронически маркированные лексические единицы и лексические сочетания, синтаксические структуры, объективирующие контраст, а также средства авторской и персонажной оценочности и модальности (в основном частицы, наречия). Постмодернистская ирония направлена на деконструкцию системности культуры, получающую объективацию в культурных кодах.

EN

Postmodern ironic discourse: linguopragmatics of the cultural code (based on the short stories of S. Dovlatov)

M. I. Kudryavtseva

Abstract. This article examines the pragmatic features of ironic discourse, aimed in the postmodern context at interpreting implicit meaning expressed explicitly through linguistic and textual means, while the production of irony contributes to justifying the idea of the non-referentiality of the world as a sign system and deconstructing stable cultural codes. The aim of the research is to substantiate the linguopragmatic status of irony in the production of postmodernist artistic discourse. The scientific novelty of the study lies in the fact that, for the first time, the correlations of irony as a fundamental principle of organizing the textual and discursive space of postmodernism and the deconstruction of cultural codes within it are determined on the basis of projecting the concept of precedence as a set of propositions onto the pragmatic structure of the ironic statement. The results of the study consist in identifying the linguistic mechanisms for the implementation of irony in the stories of S. Dovlatov: the main pragmatic load is borne by ironically marked lexical units and lexical combinations, syntactic structures objectifying contrast, as well as means of authorial and character evaluation and modality (mainly particles, adverbs). Postmodern irony is aimed at deconstructing the systemic nature of culture, which receives objectification in cultural codes.

Введение

Язык культуры – понятие, весьма популярное в настоящее время в гуманитарных науках, что обуславливает и отсутствие его единого определения, которое способно было бы охватить все аспекты этого разноуровневого феномена. Однако исследователи сходятся в том, что основополагающим признаком языка культуры является его системность, определяемая осмыслением человеком окружающего мира и своего места в нем и отражающая этот опыт. Проблематика сохранения и передачи элементов духовной культуры с помощью языка является прерогативой лингвокультурологии и этнопсихолингвистики, для чего в парадигмах этих наук предлагаются

исследовательские конструкты *концепт*, *лакуна*, *прецедентный феномен*, *культурный код*, которые многоаспектно изучаются с целью установления форм и механизмов взаимодействия языка и культуры.

Культурный код в этой связи осмысливается как единство всех понятий культуры, свойственных конкретной исторической эпохе. Объяснение роли культурного кода в процессе взаимодействия языка и культуры становится одной из актуальных сфер современной лингвистики, что определяет две стратегии в изучении данной проблематики: объяснение культуры через язык или языка с помощью культурных феноменов. Обе стратегии оказываются плодотворными для науки о языке, а также для гуманитарной парадигмы в целом, что подтверждают фундаментальные исследования Э. Сепира (1993), М. М. Бахтина (1975; 1986), Ю. М. Лотмана (1992). В этой связи в современной лингвистике весьма востребованными становятся исследования, направленные на выявление различных факторов, определяющих взаимодействие языка и культуры с позиций выяснения национальной специфики языковой картины мира, а также универсальных и этноспецифических компонентов, которые характеризуют мировосприятие представителей этноса. Очевидно, что и рассмотрение феноменов, для которых свойственны наднациональные особенности, манифестирующие направление развития культуры в конкретный исторический период и характеризующие определенную языковую личность, обладающую творческим потенциалом, оказываются в фокусе развития новых концепций.

Актуальность предпринятого исследования заключается в необходимости установления лингвистических механизмов иронии, которые транслируют культурный код постмодерна. Поскольку ирония является своего рода «интеллектуальной провокацией» (Кузнецова, 2013) и роль адресата в ее декодировании становится задачей определяющей, лингвистика обращается к установлению прагматических параметров коммуникативной ситуации, которые могут способствовать либо, напротив, препятствовать корректной интерпретации иронического дискурса. В этой связи возрастает значимость выявления и описания маркеров иронии в художественном текстово-дискурсивном пространстве, так или иначе отражающих сущность авторского замысла.

Задачи исследования обусловлены его целью и состоят: в определении структурообразующей роли иронии в текстово-дискурсивном пространстве постмодернизма; выявлении когнитивных условий, оказывающих влияние на прагматическую специфику иронии в постмодернистском дискурсе; анализе лингвистических механизмов, направленных на реализацию прагматики иронического дискурса в координатах культурного кода постмодернизма в рассказах С. Довлатова.

Методы исследования образуют целостный комплекс в его применении к материалу исследования, приоритет отдается методу направленной выборки, позволяющему установить микро- и макроконтексты, манифестирующие иронический дискурс, методу лингвистического моделирования, направленному на реконструкцию иронической ситуации, методу прагмасемантического анализа, способствующему выявлению имплицитур и семантических корреляций эксплицитного и имплицитного в когнитивно-семантической структуре иронии, а также методам наблюдения и филологической интерпретации, способствующим деконструкции культурных кодов.

Материалом исследования выступают рассказы 1970-1990-х гг. С. Довлатова (1941-1990) (2000a; 2000b), в текстах которых представлены разнообразные по своей протяженности и семантической структуре контексты, объективирующие иронию.

Теоретическую базу исследования составляют постулаты концепций, выдвинутых и обоснованных в работах по проблематике изучения интертекстуальности и диалогичности (Бахтин, 1975; 1986; Кристева, 2004), текста и дискурса (Грайс, 1985), культурного кода (Бодрийяр, 2000; Лотман, 1992; Сепир, 1993), иронии как текстово-дискурсивного феномена (Заврумов, 2016; Кузнецова, 2013), семантики и прагматики иронии и комического (Птенцова, Дуань, 2025; Смирнов, 2025; Спиненко, Поплавская, 2025; Сунь, Кулькова, 2025), а также пропозициональной основы иронии (Sperber, Wilson, 1995; 2002).

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов и выводов в процессе преподавания дисциплин филологического цикла, среди которых вузовские курсы «Теория языка», «Введение в теорию коммуникации», «Филологический анализ художественного текста», а также спецкурсы и спецсеминары по проблемам лингвопрагматики, лингвокультурологии, социолингвистики.

Обсуждение и результаты

Постмодернизм мыслит мир как текст, как совокупность знаков, которые являются истинными сами по себе, не обладая референтностью. Текст функционирует как интертекст, включающий цитаты, клише, заимствования, аллюзии и реминисценции, а реальность конструируется самим автором в зависимости от его картины мира, а не от фактов объективной действительности. Поэтому определяющими становятся различия, противопоставление, утверждающие ценность иного культурного пространства, не совпадающего в своих категориальных признаках со своим. Культурные коды трактуются как сосуществующие друг с другом, с различными культурными моделями, несводимыми друг к другу. Ироническое отношение к оригинальности и индивидуальности, к самому понятию авторства обуславливает и соответствующую прагматическую направленность иронического высказывания, которое постоянно отсылает реципиента к внешней и внутренней интертекстуальности, зачастую образующей сложные имплицитные структуры (Кристева, 2004).

Ирония, представляющая собой сложный когнитивно-семантический и коммуникативно-прагматический феномен, в координатах постмодернизма отличается особой динамикой: она направлена на непрекращающееся перекодирование текстов культуры, создание новых культурных кодов, что позволяет квалифицировать

ее как средство реализации возможностного бытия, а сам иронический дискурс объективирует динамику мира как текста и интертекста.

Постмодернизм акцентирует внимание на внешней стороне продуцирования иронии, что выливается в постоянный поиск наиболее ярких высказываний, манифестирующих иронию посредством равноуровневых маркеров. Однако сами смыслы иронии зачастую не только имплицитованы, но и весьма сложно декодируются реципиентом, что может создать коммуникативные барьеры и стать препятствием для достижения прагматического эффекта.

В целом в постмодернизме сохраняются ведущие лингвистические механизмы, реализующие иронию. Наиболее репрезентативными остаются и в эпоху постмодерна иронически маркированные лексические единицы и лексические сочетания, а также синтаксические структуры, актуализирующие контраст, однако постмодернистский художественный дискурс обращается также к средствам оценочности и модальности, что оказывается необходимым в условиях несформулированности идеала, той позитивной точки, от которой должна отталкиваться ирония. Ирония в постмодернистском текстово-дискурсивном пространстве реализуется и как вербальная, и как текстообразующая, когда она становится понятийно-оценочной доминантой личности, определяющей ее языковую картину мира и систему ценностей. Иронический дискурс направлен на деконструкцию принципов и ограничений, способствующих в классической модели нарратива достижению семантической связности и логической корректности (Бодрийяр, 2000), что и определяет прагматику иронии.

Прагматическую причину возникновения и функционирования иронии в тексте и дискурсе Г. П. Грайс (1985) определяет как сознательное нарушение первой максимы Принципа кооперативности – максимы качества (искренности, правдивости). Уже не требует дополнительных доказательств концепция семантического сдвига или совмещения двух семантических областей (Fauconnier, Turner, 2003; Grady, Oakley, Coulson, 1997), которые обуславливают формирование иронии, метафоры, литоты или гиперболы на основании переносного значения (*figurative meaning*) (Grice, 2001). Ирония провоцирует семантический сдвиг для прагматической направленности интерпретации на основе различных ассоциаций, при этом когнитивным механизмом формирования иронии Д. Спербер и Д. Уилсон (Sperber, Wilson, 1995) считают обычную («притворную») иронию (*pretence irony*) и «эхо-иронию», которая представляет собой интертекстуальную кореференцию к пропозициям (высказываниям или мыслям), либо только что выраженным, либо уже существующим в пространстве культуры прецедентным феноменам (Sperber, Wilson, 2002; Wilson, 2009). «Эхо-ирония» соотносит ироническое высказывание с прецедентными пропозициями, при этом источник таких пропозиций понимается довольно широко: он может иметь место как в реальных высказываниях в дискурсивном пространстве, так и в виртуальных пропозициях – мнениях или мыслях. Иными словами, ирония может иметь реальный или воображаемый источник, либо даже, в случае самоиронии, собственные надежды и ожидания (Wilson, 2009). Представляется, что изучение иронии в таком ракурсе открывает широкие перспективы в отношении художественного дискурса: эта концепция позволяет рассматривать иронию как коммуникативно-прагматический феномен, преодолевающий узкий функционально-стилистический взгляд на ее природу.

Рассказы С. Довлатова демонстрируют разнообразную реализацию иронии, что позволяет считать дискурс писателя ироническим. Очевидно, ирония способствует формированию и функционированию имплицитности, что требует участия читателя в лингвокреативной деятельности и проверяет его склонность к реализации игрового поведения при восприятии художественного дискурса. При том, что сам писатель не причислял себя к постмодернистам, его иронический дискурс демонстрирует общую для этого эстетического направления тенденцию к выявлению «своего», «компетентного» читателя, который в верном направлении мог декодировать сообщения, транслируемые не только данным художественным текстом, но и предшествующими ему текстами культуры. Постмодернизм неизмеримо расширяет интерпретативное поле, в связи с чем Н. Луман подчеркивает: «...читатель имеет дело с процессом сообщения в редуцированной форме – с текстом. Зачастую создание текста занимает длительные пространственные и временные промежутки. В силу этого утрачивается интерес к конкретным мотивам сообщения <...> а вместо этого открываются свободные пространства интерпретации, которые могут заполняться самым различным образом» (2011, с. 274–275).

Ирония в рассказах С. Довлатова реализована не столько на основании тропеического механизма антифразиса, т. е. в ее узком истолковании как сугубо лингвистического феномена, сколько на «эхо-иронии», причем такая ирония обнаруживает различные возможности в реструктурировании культурного кода. Ирония в постмодернистском дискурсе прагматически направлена на выявление имплицитного смысла, который, однако, выражен языковыми и текстовыми средствами, вступающими с ним, этим имплицитным смыслом, в контрастные отношения. Этот имплицитный смысл может быть интерпретирован только на основании экспликации дискурсивных компонентов, а сам процесс интерпретации иронии имеет кодовый, знаковый характер. Иными словами, подлинный смысл находит выражение косвенным путем с помощью различных маркеров иронии, которые далеко не всегда сразу распознаются реципиентом. Например, в рассказе «Когда-то мы жили в горах» выделим следующий диалог, имеющий характеристики иронического дискурса: «– Мало водки. Ты самый юный. Иди в гастроном. – А далеко? – спрашиваю. – Туда – два квартала и обратно – примерно столько же» (Довлатов, 2000а, с. 65). Очевидно, что в данном фрагменте ирония имплицитована одним из собеседников: дорога туда и обратно должна по объективным причинам быть одинаковой протяженности. Тем не менее отсылка к пропозиции обыденного опыта, различных произошедших в жизни рассказчика и его собеседников событий позволяет ввести вербальные маркеры имплицитованного иронического смысла: таковы контактно расположенные высказывания «*Мало водки. Ты самый юный. Иди в гастроном.*» и включение наречия *примерно* со значением качества в высказывание «*Туда – два квартала и обратно – примерно столько же.*»

Сам факт соблюдения старшинства в ситуации застолья эксплицирует культурный код, однако ирония его же и отменяет за счет ситуативного контекста.

Различные маркеры иронии, представленные в эксплицитной форме в постмодернистском дискурсе, призваны манифестировать подлинное содержание, однако этот аспект оказывается отодвинутым в постмодернистском дискурсе на второй план. Так происходит потому, что постмодернизм отрицает истину в целостной, абсолютной и неизменной форме, а ирония позволяет объективировать подвижность смыслов, ситуаций, самой когнитивной деятельности. Поиски смысла превращаются в культурном коде постмодернизма в процесс субъективных исканий человека, для которых не существует какой-либо объективной квалификации. Поэтому в ироническом дискурсе С. Довлатова важное место занимают виртуальные пропозиции, что объективирует кореференцию с мнениями и мыслями повествователя или героя. Например, маркеры иронии представлены в контексте, характеризующем одного из героев рассказа «Дорога в новую квартиру»: «В его <Лосика> представлении деньги были каким-то образом связаны с женщинами, а женщины интересовали Лосика чрезвычайно» (Довлатов, 2000а, с. 171). Контактное положение вербализации характеристик мыслей Лосика о деньгах и женщинах продуцирует иронию, маркированную в высказывании лексическим сочетанием *каким-то образом*, и поскольку связь денег и женщин у героя не осмыслена (причем герой интуитивно не желает признавать необходимость затратности периода ухаживания для него самого), контраст явного и скрытого смысла, который и является фундаментом иронии, получает актуализацию в заключительной части высказывания: *женщины интересовали Лосика чрезвычайно*. В приведенном контексте манифестирована авторская оценочность, и именно повествователь, от лица которого ведется рассказ, вводит иронические маркеры в описание мыслей Лосика, обнаруживая контраст его представлений и окружающего мира, который, в соответствии с принципами постмодернизма, не имеет ничего общего с объективностью.

Репрезентативным случаем реализации иронии считаем следующий контекст из рассказа «Хочу быть сильным»: «Актрисы и балерины разгуливают по этой улице. Актрисы и балерины! Их сопровождают любовники, усачи, негодяи, хозяева жизни» (Довлатов, 2000а, с. 36). Здесь также представлена виртуальная пропозиция, организующая иронический дискурс, поскольку реципиент иронического высказывания понимает, что речь здесь идет лишь о субъективном восприятии рассказчиком окружающего мира, ощущаемого им несоответствия требованиям к его привлекательности, состоятельности и другим подобным качествам. Поэтому самоирония, соотносящая впечатления от внешнего мира и собственные надежды, строится на виртуальных пропозициях, объективирующих контраст видимого и ожидаемого, к тому же видимое, вербализованное в приведенном контексте, приобретает прецедентное значение, понимаемое нами в широком смысле как отсылка к уже существующей ситуации или культурному коду как совокупности культурных норм. Очевидно, что ирония направлена на деконструкцию культурного кода, когда в постмодернизме возникает потребность в установлении смыслов культуры. Кроме того, культурный код в постмодернизме подвергается и иронической деструкции (разрушению), поскольку, напомним, истина как заверченный процесс отрицается постмодернизмом. Прагматика иронии в приведенном контексте выражена посредством различных синтаксических конструкций – восклицательного предложения (*Актрисы и балерины!*), рядов однородных членов, в которых градация также эксплицирует культурный код (*любовники, усачи, негодяи, хозяева жизни*). Важны и маркеры авторской оценочности, выраженные лексическим сочетанием *этой улице*, а также посредством лексических единиц различной функционально-стилевой принадлежности (*разгуливают, негодяи*).

По всей видимости, именно поэтому наибольшее разнообразие случаев иронии наблюдается у С. Довлатова в тех контекстах, где ирония является результатом функционирования прецедентной пропозиции с ситуацией. Это неслучайно, т. к. таким образом прагматический эффект иронического дискурса приобретает большую вероятность корректного декодирования читателем. Например, в рассказе «Ариэль» выделим следующее высказывание: «Нуждаясь в тишине, снял дом около железнодорожного разъезда» (Довлатов, 2000b, с. 439). Очевидно, что человек, который нуждается в тишине (и, скорее всего, эта потребность у него уже давно сформировалась, поскольку герой может ее сформулировать и даже рационально объяснить (он писатель, и тишина необходима ему для реализации творческих планов, иначе книг не написать)), не станет снимать дом у железнодорожного разъезда, т. к. у железной дороги всегда очень высокий уровень шума, и ирония за счет такого контраста желаемого и действительного получает свое прагматическое выражение.

Иронический дискурс продуцируется автором (или повествователем) с целью обнаружения несоответствий в поведении, в проявлениях внешней и внутренней культуры, в том, что должно, тому, что есть. Например, в рассказе «Жизнь коротка» выделим следующий текстовый фрагмент: «Она достала из сумки рукопись в узком конверте. Левицкий учтиво ждал. Давно разработанным усилием он подавил страдальческую гримасу на лице. Потом спросил: – Это ваше?» (Довлатов, 2000а, с. 225). Отметим, что ирония достигает своей прагматической цели только в случае, если читатель верно понимает развитие событий в этом рассказе: речь идет о знаменитом писателе, которому постоянно приносят свои рукописи новоявленные авторы, считающие себя достаточно талантливыми для создания повестей, рассказов и даже романов. Вербальным маркером иронии выступает лексическое сочетание *страдальческую гримасу*, которое вступает в семантические отношения с окружающим контекстом, формируя устойчивые смысловые связи с лексическим сочетанием *давно разработанным усилием*. Особо отметим и лексическое сочетание *учтиво ждал*, которое как раз и создает тот контраст, на основе которого продуцируется прагматическое воздействие иронического дискурса, вступающего в конфликт с культурным поведенческим кодом (учтивость, ожидание и страдание, давно разработанное усилие). Участники коммуникации владеют общим комплексом знаний о нормальном «положении» вещей, к каким относятся и нормы

этикета, соблюдение которых, конечно, не должно вызывать страданий. Однако прагматический эффект иронии заключается в том, что имплицированные смыслы иронического высказывания содержатся в ситуативном контексте, который необходим для корректного декодирования имплицатуры иронии.

Важным в реализации ситуативной иронии, пропозиционально соотносящей реальную ситуацию в жизни героев с прецедентными, закрепленными в культурном коде смыслами, становится и обращение к поведенческим и гендерным стереотипам, например, в рассказе «Дорога в новую квартиру»: «Он любил всех девушек, исключая вопиюще некрасивых, капитулировавших в постоянной женской борьбе и затерянных среди мужчин, как унизительно равные. Но даже с такими у Лосика возникали изменчивые многообещающие отношения» (Довлатов, 2000а, с. 171). Представляется, что прагматика иронии имеет многоуровневый характер выражения, включая лексические сочетания (*вопиюще некрасивых, капитулировавших в борьбе, постоянной женской борьбе, унизительно равные*), маркеры авторской модальности (частица *даже*, указательное местоимение *с такими*), синтаксическую организацию контактно расположенных высказываний (*он любил... но даже*). Тем не менее укажем, что прагматика иронического постмодернистского дискурса имеет перспективу корректной интерпретации только при адекватном восприятии иронии реципиентом и достаточном багаже фоновых знаний у него.

Восприятие ситуации как иронически маркированной может быть представлено и с позиций рассказчика, как, например, в следующем фрагменте из рассказа «Роль»: «Я умылся. Затем поставил будильник на восемь утра. То есть вел себя почти демонстративно» (Довлатов, 2000а, с. 155). Даже вне общего ситуативного контекста событий рассказа в приведенных высказываниях ощущим контраст внешних действий рассказчика и его внутреннего истолкования их: в обыденности он видит демонстративность, а лингвопрагматика иронического дискурса получает объективацию за счет употребления частицы *почти*.

Для рассказов С. Довлатова характерна также ситуативная ирония, прагматика которой реализуется в зоне повествования от лица персонажа. В рассказе «Мы и гинеколог Буданицкий» отметим следующий фрагмент, актуализирующий ироничность самого персонажа, писателя Григория Борисовича Кошица, воспринимающего внешние события и действия своих соседей: «Лето выдалось теплое и солнечное. Даже комары вели себя не очень агрессивно. Бернович и Фаина заходили к писателю все чаще. Бернович дарил ему только что пойманных, еще холодных маленьких окуней. Фаина неожиданно и решительно мыла ему посуду» (Довлатов, 2000b, с. 451). При том, что субъект повествования нейтрален, как и полагается повествователю, лексические сочетания *дарил окуней, неожиданно и решительно мыла посуду, мыла ему* актуализируют ситуативную иронию, прецедент которой составляют фоновые знания персонажа. Таковы нормы этикета, касающиеся правил дарения (а Бернович дарит окуней, которых он только что выловил в пруду и не хочет нести в свой дом), поведенческие модели, предписывающие сохранение личного пространства, которые постоянно нарушают соседи, Берновичи, что прагматически акцентировано лексическими сочетаниями с коннотативным значением – *заходили к писателю все чаще, мыла ему посуду*.

Постмодернистская ирония не направлена на осмеяние реальности, у нее иная прагматическая цель: кардинально важным остается сомнение в раз и навсегда фиксируемой в культурном коде истине, а значит, иронический дискурс постмодерна в конечном счете ориентирован на деконструкцию системности культуры. Иронический дискурс в рассказах С. Довлатова, реализуемый в различных зонах повествования и разными его субъектами, ориентирован на манифестирование множественности миров коммуникантов, что определяет людическую, игровую функцию практически каждого сюжетного события. Безусловно, постмодернизм, отказывая миру в одной, раз и навсегда утвержденной истине, посредством иронии избавляет субъекта от зависимости от другого субъекта или от объекта, формируя защитные психологические механизмы, необходимые личности.

Заключение

Изучение репрезентации дискурсивных маркеров иронии в художественном дискурсе С. Довлатова как одного из ярких представителей постмодернизма позволяет сделать выводы о направленном прагматическом воздействии иронических контекстов, в которых находит эксплицитное и имплицитное выражение картина мира писателя-ироника.

Ирония в постмодернизме постоянно перекодирует тексты культуры, на основании чего создаются новые культурные коды. Тем самым ирония, являющаяся когнитивно-семантическим и коммуникативно-прагматическим феноменом, объективирует в текстово-дискурсивном пространстве мир как совокупность знаков, не обладающих референтностью, как текст и интертекст.

На основе различных ассоциаций, порождаемых в процессе интерпретации иронии, возникает семантический сдвиг, когнитивную основу которого образует обычная ирония, строящаяся тропеически на основе антифразиса, и текстообразующая ирония, опирающаяся на интертекстуальную кореференцию к пропозициям (высказываниям, мыслям, ситуациям), что позволяет трактовать иронию расширительно, как текстовую и дискурсивную стратегию, манифестирующую индивидуально-авторскую картину мира.

Постмодернистский дискурс использует ведущие лингвистические механизмы реализации иронии. Лингвопрагматика культурного кода получает объективацию в ироническом дискурсе С. Довлатова на основании контраста первичной семантики лексем и лексических сочетаний, структуры и семантики целостных высказываний, оценочности разноуровневых текстовых компонентов и вторичной имплицатуры. Именно таков способ реализации двойного смысла иронического высказывания, декодирование которого напрямую зависит от возможно более полного совпадения комплекса фоновых знаний читателя и автора.

Перспективным в заявленном ракурсе исследования представляется определение исходных когнитивных структур, которые репрезентированы в дискурсе языковой личности ироника, что в конечном счете может представлять интерес для выявления семантических трансформаций, происходящих в процессе его мыслительной деятельности, а также коммуникативных стратегий, которые используются ироником для достижения его прагматических целей.

Материалы исследования | Research materials

1. Довлатов С. Собрание сочинений: в 4 т. / сост. А. Ю. Арьев. СПб.: Изд-во «Азбука», 2000а. Т. 1.
2. Довлатов С. Собрание сочинений: в 4 т. / сост. А. Ю. Арьев. СПб.: Изд-во «Азбука», 2000b. Т. 3.

Источники | References

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Изд-е 2-е / сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн, Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1986.
3. Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000.
4. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика / сост. Н. Д. Арутюнова.
5. Заврумов З. А. Иронический нарратив в художественном тексте: параметры когнитивного моделирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 3.
6. Кристева Ю. Избранные труды: разрушение поэтики / пер. с франц. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
7. Кузнецова А. В. Лингвокогнитивный потенциал художественного текста: ирония как интеллектуальная провокация // Русский язык в Армении. 2013. № 6 (83).
8. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992.
9. Луман Н. Общество общества. М.: Логос, 2011.
10. Птенцова А. В., Дуань Ч. Пройдоха, проныра, пролаза: сопоставительный семантический анализ // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2025. № 2.
11. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. М.: Издательская группа «Прогресс»; Универс, 1993.
12. Смирнов М. А. Анализ проблемы скептицизма в отношении значения в категориях языковой прагматики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84.
13. Спиненко И. М., Поплавская И. А. Комическое и его функции в повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 7. <https://doi.org/10.30853/phil20250434>
14. Сунь С., Кулькова М. А. Прагматика вербализации феномена трикстерства в русскоязычном художественном дискурсе (на примере произведения Н. В. Гоголя «Мертвые души») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 2. <https://doi.org/10.30853/phil20250115>
15. Fauconnier G., Turner M. Conceptual blending, form and meaning // Recherches en communication. 2003. № 19.
16. Grady J., Oakley T., Coulson S. Blending and metaphor // Metaphor in Cognitive Linguistics: selected papers from the 5th International Cognitive Linguistics Conference. Amsterdam, 1997.
17. Grice H. P. Aspects of Reason. Oxford: Clarendon Press, 2001.
18. Sperber D., Wilson D. Pragmatics, modularity and mind-reading // Mind & Language. 2002. № 17.
19. Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. 2nd ed. Oxford – Cambridge, 1995.
20. Wilson D. Irony and metarepresentation // Working Papers in Linguistics. 2009. № 21.

Информация об авторах | Author information

Кудрявцева Мария Игоревна¹, к. филол. н., доц.
¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Mariya Igorevna Kudryavtseva¹, PhD
¹ Sothern Federal University, Rostov-on-Don

¹ mia@sfedu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 23.07.2025; опубликовано online (published online): 25.08.2025.

Ключевые слова (keywords): культурный код; иронический дискурс; постмодернистский художественный дискурс; прагматическая структура высказывания; С. Довлатов; cultural code; ironic discourse; postmodernist artistic discourse; pragmatic structure of utterance; S. Dovatov.